

Самого серьезного внимания заслуживает дорийский диалект единственной найденной в Керкинитиде надписи — эпитафии Амбатии, датированной В. В. Латышевым IV веком до н. э.⁵⁵ Именно она позволила Э. Миннзу предположить, что Керкинитид — дорийский город, старшая «сестра» Херсонеса, имеющая с ним общих основателей⁵⁶. Даже если допустить, что упомянутая надпись может относиться к несколько более позднему времени, чем отселение херсонеситов в Северо-Западный Крым (хотя более вероятно обратное), то значение ее для нас как дорийского памятника не теряется, потому что и после присоединения Керкинитиды к Херсонесскому государству основу греческого населения города несомненно составляли керкиниты.

Учитывая последнее соображение, можно привести в пользу гераклейского происхождения Керкинитиды и особое почитание там Геракла, засвидетельствованное не только приведенными выше монетами, но и находками рельефов с изображением героя в городе и примыкающих к нему поселениях (Мойнаки, Чайка)⁵⁷. Эти факты, несмотря на датировку рельефов III—II вв. до н. э., совсем не обязательно объяснять влиянием Херсонеса, поскольку и Мойнакская усадьба, и городище Чайка, как и Керкинитиды, возникли раньше других известных нам поселений Северо-Западного Крыма (в конце VI или в V в. до н. э.)⁵⁸ и в отличие от них были основаны не Херсонесом, а очевидно общей с ним метрополией.

Может быть, незаслуженно забытая гипотеза наших высокоавторитетных предшественников, к которой они пришли разными путями, будет выглядеть более реальной после объединения их аргументации и некоторого дополнения ее, а наша попытка разобратся в происхождении названия города окажется небесполезной для решения более важного вопроса — определения метрополии, основавшей северопричерноморскую колонию Керкинитиду.

О. Д. Дашевская

ON THE ORIGIN OF THE NAME KERKINITIS

by O. D. Dashevskaya

The author argues that the Karkinitis of Hecataeus and Herodotus and the Kerkinitis of later sources (e. g., IOSPE, I², Nos. 401 and 352) are one and the same Greek town (the modern Eupatoria). The Hypakyris, at whose mouth Herodotus locates Karkinitis, is the lake, or firth, Donuzlav in Western Crimea. The prevailing opinion that the town arose on the site of a pre-Greek settlement, and that the root of its name was inherited from the barbarians, is rejected by the author, who thinks that the name is Greek and was taken from the name of the town's oikist, Karkinos. The later name of the town corresponds to the personal name Kerkinos. The change in both the personal name and the town's name may be explained as a *euphemia*, a superstitious avoidance of naming the disease designated by the same word. There are no written sources on the founding of Kerkinitis. The name Kerkinos is found only on Heracleian amphora stamps, and the author, after examining the archaeological, numismatic and epigraphical evidence, puts forward the hypothesis that Kerkinitis was founded from Heraclea Pontica.

ла свою монету, присоединение этого города к Херсонесскому государству было скорее всего мирным. Как видно, почва для такого объединения издавна была благоприятной.

⁵⁵ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов), ИАР, 10, 1904, стр. 18—20; IOSPE, I², 339; G. K i e s e r i t z k y, C. W a t z i n g e r, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, B., 1909, стр. 14, табл. V.

⁵⁶ Е. Н. М и н н с, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 491.

⁵⁷ Н а л и в к и н а, О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма; А. Н. К а р а с е в, Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории, «Археологические открытия 1965 г.», стр. 117.

⁵⁸ Р о м а н ч е н к о, Раскопки в окрестностях Евпатории, стр. 176 сл.; А. Н. К а р а с е в, Раскопки городища Чайка в Евпатории, «Археологические открытия 1966 г.», стр. 215.

ОПЫТ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Для правильного уяснения экономических связей античного Причерноморья первостепенное значение имеет проблема экономико-географического районирования этой области в рассматриваемое время. Трудность решения этой проблемы обуславливается многими обстоятельствами. Первое и наиболее существенное из них — сложность самого определения тех критериев, которые должны быть положены в основу такого членения. Здесь возможен различный подход и разные точки зрения, в каждой из которых можно найти как достоинства, так и слабые стороны.

Поэтому предлагаемая ниже схема экономико-географического районирования античного Причерноморья может и должна рассматриваться лишь как опыт, как предварительная попытка решения этого сложного вопроса. Следует также оговорить, что, предлагая новую схему географического членения древнего Причерноморья, мы в данном случае имеем в виду экономические районы, о которых можно говорить применительно к изучению истории экономических связей этой обширной области. Предлагаемая схема ни в коей мере не претендует на универсальность — это требовало бы проверки ее с разных иных точек зрения многогранной истории античного Причерноморья, что выходит за пределы задач настоящей работы.

В настоящее время в научной литературе, как известно, общепринято условное членение древнего Причерноморья по странам света. Обычно выделяют четыре крупных района: Южное, Восточное, Северное и Западное Причерноморье. Из такого членения и исходит в своей работе исследователь. Такое условно-географическое районирование сложилось в значительной мере на основе современной политической карты Причерноморья. Так, к Западному Причерноморью относят территории, лежащие в пределах Болгарии и Румынии, Южное охватывает земли, входящие в состав Турции, Северное и Восточное — СССР.

На первый взгляд такое районирование античного Причерноморья может показаться оправданным, тем более, что оно представляет несомненные удобства для исследователей той или иной страны. Однако думается, что таковым оно кажется скорее в силу прочно укоренившихся традиционных представлений и, вероятно не в последнюю очередь, привычности современных границ (что естественным образом наложило свой отпечаток и на границы исследовательских работ ученых разных стран). Между тем правильное районирование древнего Причерноморья, несомненно, требует критериев, приложимых именно к античной истории этой области.

Литературные источники, как известно, освещают историю античного Причерноморья крайне неравномерно и фрагментарно. Они не содержат достаточных данных для обоснованного решения поставленного вопроса. Ответ на него в значительной степени может дать археологический материал, в котором важное место принадлежит эпиграфическим и нумизматическим данным. Но археологические исследования на обширных территориях, окружающих Черное море, до сих пор, к сожалению, проводятся весьма неравномерно. Так, например, все южное побережье Понта — север Малой Азии — еще почти не затронуто раскопками. Планомерное и плодотворное археологическое изучение побережья Колхиды (Юго-Восточного Причерноморья в пределах современной Грузинской ССР) началось лишь в самое последнее время. Что же касается северокавказского побережья Черного моря на значительном протяжении от Новороссийска до Адлера, то оно, если не считать эпизодических разведочных работ, остается до настоящего времени по существу белым пятном на археологической карте. Перечень таких пробелов в археологическом изучении Причерноморья античной эпохи можно было бы и продолжить. Но, несмотря на них, для решения многих проблем накоплен вполне достаточный материал. Уже сейчас можно с основанием утверждать, что принятое условно-географическое районирование античного Причерноморья не отвечает современному состоянию науки и ее требованиям и нуждается в коренном пересмотре. Поясним это хотя бы несколькими примерами.

Ольвия, как известно, сейчас причисляется к городам Северного Причерноморья и объединяется в рамках этой области с городами Боспора Киммерийского и Херсонесом Таврическим. Ближайший же крупный западный сосед Ольвии, Истрия, относится, согласно принятому районированию, к Западному Причерноморью и фигурирует там в одном ряду с Аполлонией, Месембрией, Одессом и другими городами. Между тем вся совокупность археологических данных (общность приемов специфической строительной техники, монетное дело и многое другое), а также и определенная общность исторических судеб отчетливо показывают, что эти два города — Ольвия и Истрия — должны быть отнесены к одной культурно-исторической и экономической области. Ольвия, была без сомнения, во всех отношениях гораздо более близка Истрии, чем Пантикапею, Фанагории или Херсонесу. Истрия же, в свою очередь, имела значительно больше общего с Ольвией, чем с той же Аполлонией или Месембрией. Причисление Ольвии и Истрии к разным искусственно разграниченным условно-географическим районам Причерноморья неоправдано и ошибочно. Оба города следует относить к одному району: античному Северо-Западному Причерноморью, куда входят также Каллатия, Тира¹, Никоний и некоторые другие центры.

Города Боспорского государства (включая Феодосию) относятся уже к другому району — Северо-Восточному Причерноморью. Как показывают некоторые, пока еще самые предварительные, данные, к этому экономическому району должна быть отнесена не только территория собственно Боспорского государства (Керченский и Таманский п-ва), а также Прикубанье и Приазовье, но и значительная часть восточного побережья Черного моря, вероятно, вплоть до выхода к морю Гагринского хребта². Таким образом, Северо-Восточное Причерноморье объединяло обширную область, охватывавшую территории, расположенные как на северном, так и на восточном побережьях Черного моря, а также и в Приазовье. Херсонес в этот район не может быть включен, так как его культурно-историческое и экономическое развитие существенно отличается от развития названных территорий.

Для правильного решения проблемы культурно-исторического районирования античного Причерноморья необходимо учитывать в полной мере всю совокупность данных социально-экономического, культурно-исторического и этнического развития всего Причерноморья. Эта сложная и трудоемкая задача остается на долю будущих исследований, но ее решение, как представляется, — необходимое предварительное условие успешного изучения истории древнего Причерноморья. При этом следует помнить о важнейшем обстоятельстве, отмеченном еще М. И. Ростовцевым³: города греческой диаспоры — греческие города Испании, Галлии, Сицилии, Малой Азии, понтийских областей и т. д. — всегда были вынуждены приспосабливать свою экономическую жизнь к экономической жизни своих соседей, которые иногда были и их «сюзеренами». В Причерноморье эта теснейшая связь и зависимость греков от жизни окружающих племен проявлялась особенно явственно, что, несомненно, должно давать исследователю один из основных, если не главный критерий при районировании античного Причерноморья.

Однако сам М. И. Ростовцев не сумел правильно и до конца решить проблему экономического районирования Причерноморья. В своей фундаментальной «Социальной и экономической истории эллинистического мира», говоря об организации северной, особенно черноморской, торговли, он выделял шесть районов, или групп городов⁴: 1) геллеспонтская группа, особенно Сест, Абидос и Лампсак; 2) пропонтидская группа во главе с Кизиком; 3) группа Фракийского Боспора: Византий и Калхедон;

¹ Пример Тир, причислявшейся исследователями то к Северному, то к Западному Причерноморью, с полной наглядностью показывает условность и неоправданность принятого сейчас членения античного Причерноморья.

² И. Б. Браш и н с к и й, К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху, сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 68 сл.

³ R o s t o v t z e f f, SEHWW, I, стр. 91.

⁴ Там же, стр. 585 сл.

4) группа Южного Причерноморья, или правобережья Понта с важнейшими центрами: Гераклеей, Амисом и Синопой; 5) группа Западного, или Левого, Причерноморья — Аполлония, Каллатия, Одесс, Томи и Истрия; 6) группа северного берега Черного моря и Крыма: Ольвия, Пантикапей с зависимыми от него городами и Херсонес. Каждая из этих групп городов, как указывал Ростовцев, играла свою роль в большой торговле между эгейским и понтийским миром.

Ценным в приведенной схеме следует признать выделение трех групп городов на Черноморских проливах, которые играли чрезвычайно важную роль в понтийской торговле. Что же касается остальных групп или районов, всего собственно Причерноморья, то здесь Ростовцев продолжает оставаться на традиционных позициях условно-географического районирования. При этом обширный район кавказского побережья Понта вообще выпал из его поля зрения. Следует указать и на то, что, правильно подчеркнув важнейшую роль местной среды в развитии экономики и экономических связей греческих городов, М. И. Ростовцев сам не учитывает ее в своем районировании. Иначе (не говоря уже о других критериях) Ольвия, Херсонес и Боспорские города не могли бы оказаться в одном районе, а Аполлония и Истрия не были бы объединены. Таким образом, если не считать сказанного о Проливах, схема Ростовцева не вносит чего-либо нового в рассматриваемый вопрос и не может быть признана удовлетворительной.

Искусственность и неприемлемость общепринятого районирования античного Причерноморья в последнее время все явственнее дает себя знать при исследовании как конкретных вопросов истории причерноморских государств, так и более общих проблем. Так, при изучении экономических связей Синопы в IV—II вв. до н. э. я пришел к выводу, что основные направления синопского экспорта не соответствуют принятому членению Причерноморья. На основании данных о распространении синопских керамических клейм оказалось необходимым выделить иные районы. Они представлялись тогда следующими⁵: 1) Юго-Западное Причерноморье (до Одессы включительно); 2) Западное Причерноморье (Каллатия, Истрия); 3) Северо-Западное Причерноморье (Гира, Березань, Ольвия и округа); 4) Западный Крым (Херсонес, Керкинитида); 5) Северо-Восточное Причерноморье (Боспорское государство, включая Феодосию); 6) Юго-Восточное Причерноморье.

Это районирование, основанное на привлечении лишь одной категории материала — и притом происходящего из одного только центра, — не может, однако, быть признано приемлемым для более широкого применения, хотя оно и может принести известную пользу при разработке вопроса об экономико-географических районах античного Причерноморья.

Рассматриваемого вопроса недавно коснулся Д. Б. Шелов в докладе на конференции по изучению проблем античности в Ленинграде в 1964 г. «Насколько неправомерно принятое ныне искусственное районирование античного Причерноморья соответственно современным государственным границам, — пишет Д. Б. Шелов, — показывает пример Ольвии и Тира. Оба эти города включаются в понятие „античные города Северного Причерноморья“ и объединяются в нем с Херсонесом Таврическим и с центрами Боспорского царства, хотя исторические судьбы всех этих районов во многом отличаются друг от друга. В то же время Истрия, чрезвычайно связанная с Тирой и Ольвией и многими общими характерными чертами, и известной общностью судеб, и просто тесными экономическими и культурными взаимоотношениями, оказывается оторванной от них, будучи причислена к городам Западного Понта»⁶. Несомненно прав Д. Б. Шелов, подчеркивая, что при изучении истории античного Причерноморья «разбивка исследуемой территории на районы должна соответствовать не современным границам, а реально существовавшим в древности культурно-историческим общностям»⁷.

⁵ И. Б. Брагинский, Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э., сб. «Античный город», М., 1963, стр. 138.

⁶ Д. В. Шелов, Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху, сб. «Античное общество», М., 1967, стр. 219.

⁷ Там же.

Д. Б. Шелов предложил деление всего припонтийского побережья на следующие районы: «1) юго-западный с городами Аполлонией и Месембрией; 2) северо-западный, куда входит вся Добруджа с лежащими там греческими городами и земли между Дунаем и Бугом с Тирой и Ольвией; 3) Таврический, охватывающий большую часть Крыма (с Херсонесом и принадлежавшими ему землями) и прилегающие приднепровские степи; 4) Боспорский, включающий в себя Восточный Крым от Феодосии, побережье Меотиды и Прикубанье до Горгиинии включительно; 5) Кавказский, охватывающий все кавказское побережье Черного моря к югу от Боспорской территории примерно до устья Риони или, может быть, Чороха; 6) южный, включающий в себя припонтийское побережье Малой Азии с крупными городами Синопой, Гераклеей и др. Эта область, вероятно, должна быть подразделена на районы, но для проведения границ между ними пока нет данных; 7) в особый район должен быть выделен Босфор Фракийский с Византием»⁸.

К сожалению, Д. Б. Шелов не аргументирует предложенное им районирование, поэтому остается неясным, какие признаки, какие критерии положены в основу предложенной им схемы. Хотя эта схема, с нашей точки зрения, страдает некоторыми определенными недостатками и не может быть признана в полной мере удовлетворительной (сам автор ее указывает, что она имеет вполне предварительный характер и, весьма вероятно, будет уточнена или в чем-то изменена), в целом она имеет весьма важное значение. Оно определяется прежде всего тем, что Д. Б. Шелов предельно ясно показал невозможность и дальше мириться с принятым условно-географическим членением античного Причерноморья и настоятельную необходимость иного районирования.

Одним из недостатков схемы Д. Б. Шелова представляется то, что автор ее, справедливо отрицая правомерность приложения современной политической географии к районированию античного Причерноморья, сам в некоторых случаях руководствуется чисто географическими, а порою и политико-географическими критериями. Так, например, все кавказское побережье Понта объединяется им в единый район, хотя, без сомнения, оно не представляло собой в античную эпоху ни культурно-исторической, ни экономической общности. Более того, вольно или невольно Д. Б. Шелов сам подпадает в данном случае под влияние отвергаемого им принципа районирования на основе современных границ: южную границу кавказского района он проводит по Риону или Чороху. Неясно также, что автор имеет в виду под особой культурно-исторической областью к югу от Главного Кавказского хребта⁹. Эта горная система делит восточное побережье Черного моря на северную и южную части своим передовым Гагринским хребтом, выходящим на берег моря у Гагры, — и действительно, районы, лежащие к югу от Гагринского хребта, составляли в древности Колхидскую культурно-историческую область. Между тем Д. Б. Шелов включает в кавказский район также и территории, расположенные к северу от Гагринского хребта вплоть до Горгиинии, хотя они в Колхидскую культурно-историческую область не входили.

Лишь с натяжкой можно считать современную Добруджу единым районом и для античной эпохи. Ее южная граница выходит к морю между Варной и Балчигом, и таким образом разъединенными оказываются античные Одесс, Дионисополь и Бизоне, которые, как кажется, были теснейшим образом связаны друг с другом. Черноморское побережье Добруджи в древности скорее всего входило в два, хотя и близких экономически, района⁹⁻¹⁰.

Одним из критериев, позволяющих наметить границы различных экономических районов античного Причерноморья, являются, как мне представляется, экономические связи. Разумеется, они как явление вторичное, обусловленное развитием производства в тех или иных районах, не могут считаться определяющими в выделении культурно-исторических общностей как таковых. Однако, поскольку экономические связи гре-

⁸ Д. Б. Ш е л о в, Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху, Сб. «Античное общество», М., 1967, стр. 220.

⁹⁻¹⁰ Там же, стр. 219.

ческих городов, как отмечено, в очень значительной степени зависели от их экономического развития и от экономических потребностей их варварского окружения, именно эти связи, сравнительно хорошо прослеживаемые на доступном в настоящее время материале, могут на нынешнем этапе исследования рассматриваемой проблемы представить важные сведения для ее дальнейшего изучения и решения. К тому же, в данном случае нас занимает именно *экономическое*, а не более общее и широкое районирование античного Причерноморья, что, как кажется, позволяет считать правомерным применение предлагаемого здесь критерия. Следует также отметить, что для разных районов мы в настоящее время располагаем разнородным материалом, а поэтому неизбежно приходится прибегать к различной аргументации. В одних случаях перед исследователями отчетливо выступают одни признаки, в других — другие. Поэтому в настоящее время невозможно выделить единые признаки и критерии, которые подходили бы для определения всех районов (условие, несомненно, обязательное для окончательного решения вопроса). При этом, разумеется, важнейшим критерием остается зависимость экономического развития тех или иных городов, групп городов или районов от различных этнических групп местного населения внутренних районов.

Те наблюдения, которые предлагаются мною для экономико-географического районирования античного Причерноморья, носят, разумеется, предварительный характер. Помимо сказанного выше, это обусловлено, с одной стороны, пробелами в археологическом изучении интересующих нас территорий, с другой же — общей неразработанностью проблемы.

В настоящее время представляется возможным предложить членение античного Причерноморья, с точки зрения развития экономических связей, на следующие экономико-географические районы ¹¹.

1. *Юго-Западное Причерноморье*, к которому относится территория от Боспора Фракийского до Одессы и Дионисополя на севере включительно. Сюда входили также города Аполлония и Месембрия. Эта область тяготела экономически к Эгейскому району, в частности, к Южной Фракии и Македонии; сильным здесь было влияние Фасоса. Связи Юго-Западного Причерноморья с другими понтийскими районами были поэтому развиты слабее сравнительно с прочими причерноморскими областями. Особенно отчетливо это видно на примере развития экономических связей Юго-Западного Причерноморья с важнейшим производственным центром и экспортером южного побережья Понта — Синопой ¹². Южнее Одессы синопский керамический импорт практически отсутствует, а в Одессе он появляется в сколько-нибудь заметном объеме не ранее второй половины III в. до н. э. ¹³

¹¹ Предлагаемое районирование приложимо ко времени до Митридатовых войн и разгрома Митридата VI Римом. Позднее в Причерноморье складывается новая политическая ситуация, которая привела к весьма существенным изменениям экономических связей и границ экономико-географических районов. Мы не прилагаем предлагаемую схему и к периоду основания и становления греческих колоний на Понте, поскольку для этого времени нет еще возможности говорить о существенных различиях в экономических связях отдельных областей. Таким образом, здесь имеется в виду период V — начала I в. до н. э. Следовательно, как мне кажется, мы не можем говорить о постоянных и неизменных экономико-географических районах Причерноморья для античного периода в целом. Границы районов менялись в зависимости от различных причин.

¹² Выделяя экономические связи того или иного района, я подчеркиваю лишь их отличительные особенности, какими они мне представляются. Разумеется, такие связи были весьма многообразными и в ряде случаев одинаковыми для всей Понтийской области в целом.

¹³ Подробнее см. И. Б. Брашнски, Някои въпроси из областта на икономическите връзки на гръцките градове по югозападния бряг на Черно море в предпримската епоха, «Археология», XII, № 2, София, 1970. Следует отметить, что кое-что сближает Одесс с городами Северо-Западного Причерноморья. Он является как бы промежуточным звеном между юго-западным и северо-западными районами Причерноморья. Такое положение кажется вполне естественным для центров, расположенных на стыках различных областей. Тем не менее, как мне представляется, имеется больше оснований объединять Одесс в одном районе с Аполлонией и Месембрией, чем с Истрией и Ольвией.

Сравнительно слабыми были экономические связи греческих городов этого района и с фракийскими племенами внутренних районов (и с Одрисским царством), которые были более тесно связаны речными и сухопутными торговыми коммуникациями с северной Эгейдой, греческими городами, лежащими на Проливах, а позднее (во II—I вв. до н. э.) также с городами юго-восточного побережья Адриатики (Аполлонией Иллирийской и Эпидамном-Диррахием).

2. *Северо-Западное Причерноморье* с городами Каллатией, Томи, Истрией, Тирою, Никоном, Ольвией и окружающими их территориями. Хотя политически первые три города в определенные периоды были более тесно связаны с городами Юго-Западного Причерноморья («левопонтийский койнон»), чем, например, с Ольвией, в экономическом отношении они, несомненно, имели гораздо больше общего с этим городом и его экономической округой. Этот район, в отличие от Юго-Западного Причерноморья, не испытывал на себе столь активного экономического влияния городов Эгейского побережья Фракии и Фасоса. Для Северо-Западного Причерноморья характерны тесные экономические связи с южнопонтийскими центрами, в частности, с Гераклеей Понтийской и Синопой.

В связи с задачами настоящей статьи для нас особенно важно подчеркнуть неприятие единого северопонтийского района и необходимость объединения Ольвии в один район с городами «Левого Понта» — Каллатией, Истрией и другими. Это особенно отчетливо выясняется при сравнении Ольвии с Истрией. Не говоря уже об очень большом сходстве в развитии экономических связей Ольвии и Истрии, здесь весьма важно отметить и некоторые другие характерные моменты в жизни обоих городов. Примечательны, как представляется, общие черты развития монетного дела Ольвии и Истрии. Только в этих двух городах собственный выпуск монеты начинается не с чеканки, а литья и притом меди¹⁴. Таковы хорошо известные ольвийские «ассы» и «дельфинчики» и истрийские монеты (ΙΣΤ — колесо)¹⁵. Показательно также, что ареалы обращения ольвийских и истрийских монет сталкиваются и переплетаются¹⁶.

Таким же уникальным явлением, как раннее медное литье монет в Ольвии и Истрии, следует считать и своеобразные приемы строительной техники. Только в этих двух городах, как известно, широко распространилось обыкновение возводить каменные стены зданий не на каменных, а на своеобразных «слоевых» фундаментах — так называемых ольвийских «субструкциях»¹⁷. (Возможно, этот строительный прием, кроме Ольвии и Истрии, получил некоторое распространение также и в Каллатии¹⁸.)

Число примеров, иллюстрирующих тесные связи и общие для Ольвии и Истрии черты в самых различных областях жизни, можно было бы значительно увеличить, но, думается, достаточно и приведенных, чтобы убедиться в принадлежности этих двух городов к одному культурно-историческому и экономико-географическому району античного Причерноморья¹⁹.

Что касается варварского окружения Северо-Западного Причерноморья, то оно было сложным и этнически разнородным. На западе это были гето-дакийские, далее

¹⁴ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, № 16, 1951, стр. 121 сл.

¹⁵ А. Н. Зограф (ук. соч.) вслед за другими исследователями ошибочно считал литые монеты ΙΣΤ — колесо ольвийскими. Теперь надежно доказано их истрийское происхождение. См. П. О. Карышковский, *Заметки по нумизматике античного Причерноморья*, ВДИ, 1957, № 2, стр. 138 сл.; С. Preda, *Monedele histriane cu roata și legenda ΙΣΤ*, SCN, III, 1960, стр. 21 сл.

¹⁶ См. В. Mitrea, *Sur les monnaies des cités pontiques découvertes sur le territoire des populations locales*, «Studii Clasice», III, 1961, стр. 183 сл. Перечень находок неполон.

¹⁷ Термин этот неточен, и в настоящее время исследователи Ольвии отказались от него, заменив более соответствующим определением «слоевые фундаменты, или основания». В румынской археологической литературе применяется определение этих фундаментов как «ольвийских».

¹⁸ Если правильно наблюдение, основанное на двух опубликованных фотографиях, строительных остатков из раскопок Каллатии 1936 г. См. «Dacia», V—VI, 1935—1936, стр. 183, рис. 1 и 2.

¹⁹ См. также Шелов, ук. соч.

к северо-востоку — скифские и родственные им по культуре племена. Однако уровень социально-экономического развития всех этих племен в рассматриваемое время, при всех локальных особенностях и отличиях более или менее одинаков.

Особенно далеко в глубь страны экономическое влияние греческих городов Северо-Западного Причерноморья проникало через Ольвию — важнейший (особенно в V в. до н. э.) транзитный центр греко-варварской торговли не только в этом районе, но и во всем Причерноморье. Весьма велико было и значение Истрии, хотя ареал ее экономического влияния (очень интенсивного) был более ограничен, чем ольвийский. Прочие греческие города Северо-Западного Причерноморья играли в этом отношении заметно меньшую роль.

Экономической базой Северо-Западного Причерноморья были земледелие и скотоводство на обширных степных пространствах между Дунаем и Днепром, эксплуатация рыбных богатств великих рек Скифии: Дуная, Днестра, Южного Буга и Днепра.

3. *Таврический район.* Самостоятельную, сравнительно небольшую экономико-географическую зону составляла основная часть Крымского п-ва (за исключением Восточного Крыма — Керченского п-ва), экономическим центром которого был Херсонес Таврический. Другими значительными греческими городами здесь были Керкини-тида и Калос-Лимен, довольно рано вошедшие в состав Херсонесского государства. Экономической базой этого района служили плодородные земли, принадлежавшие Херсонесскому государству или зависимые от него — территория Западного Крыма. Д. В. Шелов²⁰ относит к Таврическому району также прилегающие к Крыму приднепровские степи. Однако, как кажется, это утверждение может быть принято лишь с большими оговорками, поскольку, хотя Херсонес и играл определенную роль в этой области, определяющим там было не его экономическое влияние, а влияние Ольвии и позднее Боспора.

Таврический, или Херсонесский, район как самостоятельная экономико-географическая единица складывается сравнительно поздно, потому что относительно поздно — лишь в последней четверти V в. до н. э. — сложился его экономический центр — Херсонес. Это, несомненно, наложило свой отпечаток на ареал экономического влияния Херсонеса. Окруженный с двух сторон такими мощными центрами, как Ольвия и Боспорское государство, с их длительными и прочными экономическими связями с обширными внутренними районами причерноморских степей, Херсонес не был в состоянии завоевать себе сколько-нибудь широкую сферу экономического влияния. К тому же необходимо иметь в виду особенности географического положения Херсонеса, которое, предоставляя удобные морские коммуникации, затрудняло общение с внутренними районами.

Со своими ближайшими соседями, таврами, Херсонес не имел тесных и интенсивных экономических связей ввиду низкого уровня их социально-экономического развития. Связи со скифами Центрального Крыма также не могут идти ни в какое сравнение со связями, например, Ольвии с ее скифскими соседями. В каком-то количестве херсонесский импорт проникал в прилегающие к Крыму приднепровские степи, но значительным он там никогда не был.

Поэтому, как представляется, Таврический район должен быть ограничен западной и центральной частью Крымского полуострова.

Варварское окружение греческих городов Таврического района было разнородным (тавры, скифы), причем различные племена очень существенно отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития. Важнейшим фактором в этом районе было сложившееся здесь в конце III в. до н. э. скифское царство в Крыму с центром в Неаполе.

4. *Северо-Восточное Причерноморье*, или район Боспора Киммерийского. К этому району принадлежит обширная зона, охватывающая Керченский п-ов (включая Фео-

²⁰ Шелов, ук. соч., стр. 220.

досию), приазовские степи, Таманский п-ов, Прикубанье, а также северокавказское побережье Черного моря, вероятно, вплоть до выхода к морю передового Гагринского хребта Большого Кавказа.

Центром этого района было Боспорское государство во главе с Пантикапеем и греческими городами по берегам Керченского пролива. Западным форпостом была Феодосия, северо-восточным — Танаис (до его основания греческое экономическое влияние здесь осуществлялось через поселение на месте Елизаветовского городища), южными — Горгиппия и менее значительные Бата (около Новороссийска) и Торик (около Геленджика). Под экономическим влиянием Боспора находились обширные периферийные области этого района.

Слабая археологическая изученность северной части кавказского берега Черного моря от Новороссийска до Пидунды не позволяет пока достаточно определенно судить об особенностях экономического развития всей этой обширной территории. Однако и имеющиеся материалы достаточно отчетливо показывают сильную и постоянную экономическую (а в определенные периоды, вероятно, и политическую) зависимость ее от Боспора начиная, по крайней мере, с IV в. до н. э. С этого времени названная территория, несомненно, входила в орбиту боспорского влияния и экономической экспансии²¹.

Варварское окружение греческих центров Северо-Восточного Причерноморья (Боспорского государства), оказывавшее воздействие на направления и развитие экономических связей этого района, было этнически куда более сложным, чем соответствующее окружение, например, Северо-Западного Причерноморья. Здесь наряду со скифами важное значение имели савроматы (позднее — сарматы), меоты, синды, а также племена Северо-Западного Кавказа. Здесь местные племена в большей мере оказывали непосредственное воздействие на политику и экономику греческого элемента, а племенная социальная верхушка срачивалась с соответствующими слоями греков Боспорского государства. Эти явления наложили существенный отпечаток на облик Северо-Восточного Причерноморья как экономического района.

5. *Колхидский, или Закавказский*, район Причерноморья охватывает территорию восточного (закавказского) побережья Черного моря (побережье Колхиды) к югу от Гагринского хребта с городами Диоскуриадой, Гюеносом (совр. Очамчире), Фасисом. Границы этого района на юго-западе пока еще трудно определить из-за археологической неизученности восточной части северного побережья Малой Азии. Можно предполагать, что Колхидский район простирался до Трапезунта, однако не исключено, что будущие исследования отодвинут его границы еще дальше на запад. Здесь наблюдаются резкие отличия от Северо-Восточного Причерноморья, которые, вероятно, в значительной мере объясняются характером и уровнем развития городской жизни, ремесла, культуры этой области еще до прихода сюда греческих колонистов²². На это развитие, очевидно, оказали сильное влияние соседние древневосточные цивилизации Передней Азии и Закавказья.

В интересующее нас время Колхидский район был теснее всего связан с Юго-Восточным Причерноморьем (Синопа, Амис).

Определяющей силой, оказывавшей влияние на развитие экономики и связей рассматриваемого района, были колхидские племена, стоявшие на высокой ступени социально-экономического развития. Прочие племена существенной роли в этом процессе не играли.

6. *Юго-Восточное Причерноморье* с важнейшими центрами Амисом и Синопой и зависимыми от нее городами охватывало территорию Пафлагонии и Понта. Границы этого района как на западе, так и, особенно, на востоке не могут пока быть выяснены достаточно определенно из-за его археологической неизученности.

Более подробную характеристику этого района мы считаем возможным здесь не приводить, поскольку он получил почти исчерпывающее освещение в исследовании

²¹ Брашинский, К истории Северо-Восточного Причерноморья..., стр. 70.

²² Ср. О. Д. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Колхида, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

М. И. Максимовой²³. Отметим лишь, что понтийские экономические связи Юго-Восточного Причерноморья были ориентированы главным образом на север (Северо-Западное и Северо-Восточное Причерноморье, Таврика) и на восток (Колхида). Значение юго-восточного района в экономике Причерноморья было чрезвычайно важным.

Воздействие местных племен Юго-Восточного Причерноморья на экономику и развитие экономических связей греческих центров этого района не было, очевидно, столь значительным, как в других районах. Это, как представляется, зависело в первую очередь от того, что узкая прибрежная полоса здесь отделена от внутренних районов высокими и труднопроходимыми Анатолийскими горами.

7. *Западная часть Южного Причерноморья* с главным центром Гераклеей Понтийской, очевидно, образует самостоятельный экономико-географический район. Незнучность этого района, к сожалению, не позволяет пока дать его подробную характеристику. Судя по имеющемуся материалу, развитие экономических связей и их ориентация во многом сближают его с Юго-Восточным Причерноморьем. Экономическая база Гераклеи была основана на эксплуатации зависимого местного населения — маориандинов.

8. Наконец, к числу экономико-географических районов античного Причерноморья может быть отнесен *район Черноморских проливов*, оказавший очень сильное влияние на развитие экономики и экономических связей всего Причерноморья, хотя, строго говоря, собственно Причерноморью он уже не принадлежит. Как указано выше, М. И. Ростовцев выделял на Проливах три группы городов, или три района, Д. Б. Шелов же выделяет один район. Важнейшую роль здесь играл Византий, контролировавший выход из Черного моря в Средиземное. Большое значение имели и города Пропонтиды (особенно Кизик) и Геллеспонта (Абидос, Парион, Лампсак и др.).

Такими в самых общих чертах представляются экономико-географические районы античного Причерноморья. Все они были экономически тесно связаны друг с другом, причем с течением времени связи между ними все более укреплялись, создавая постепенно предпосылки сложения своего рода понтийского экономического единства. Особенно ярко это единство проявилось к концу II в. до н. э., ко времени Митридата VI Евпатора, но основы его, как представляется, начали складываться еще в IV в. до н. э.²⁴

В заключение отметим еще раз, что предложенное выше экономико-географическое районирование Причерноморья V—I вв. до н. э. должно рассматриваться как опыт, как рабочая гипотеза, которая требует дальнейшей разработки, проверки и уточнения.

И. Б. Брашинский

AN ESSAY IN CHARTING THE ECONOMIC GEOGRAPHY OF THE BLACK SEA COASTAL AREA IN ANTIQUITY

by J. B. Brashinsky

The author raises and discusses the question as to the validity of the currently accepted division of this area into conventional geographical sections, i. e. simply by the points of the compass (North, East, South and West Black Sea Coast). The shortcomings of this zoning principle are most obvious in the case of Olbia and Histria, assigned respectively to the North and West Black Sea coastal regions, whereas in antiquity they undoubtedly belonged to one historico-cultural and economic-geographical region, as D. B. Shelov has long since demonstrated.

²³ М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.—Л., 1956.

²⁴ См. И. Б. Брашинский, Значение Черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья в VI—IV вв. до н. э., «Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums», Budapest, 1968, стр. 236.

In the author's view economic ties may serve as one of the criteria for distinguishing the economic-geographical regions in this area (cultural-historical unities are not taken up in the present article). The nature of the non-Greek peoples surrounding the Greek cities also remains a most important criterion. Adopting these criteria, the author proposes to distinguish the following economic-geographical zones in the Black Sea coastal area, valid for the period from the fifth to the first centuries B. C.: (1) the Southwestern Black Sea coastal region, including Apollonia, Mesembria and Odessus; (2) the Northwestern region: Callatis, Tomis, Histria, Tyras, Olbia and the territories surrounding these cities; (3) the Tauric region, with Chersonesus as its leading city, a region embracing the most part of the Crimea up to the Kerch peninsula; (4) the Northeastern or Bosporan region, comprising the cities of the Bosporan state and including the extensive territories of the northern and eastern coasts of the Sea of Azov, the Kuban district and the North Caucasus shore of the Black Sea up to the Gagrian range of the Great Caucasus; (5) the Colchidian or Transcaucasian region, including Dioscurias and Phasis, and extending southward from the Gagrian range probably as far as Trapezus; (6) the Southeastern region: Sinope and Amisus; (7) the western part of the southern Black Sea coast, with its centre at Heraclea Pontica; and (8) the region of the Black Sea Straits, which strongly influenced the economy of the whole Black Sea area.

These are preliminary conclusions, subject to further documentation and more precise formulation.

МАТЕРИНСКИЙ РОД У САРМАТОВ

Статья Б. Н. Гракова, опубликованная 22 года назад на страницах «Вестника древней истории»¹, сыграла важную роль в изучении сарматской культуры. Предложенная в ней четырехчленная периодизация этой культуры с незначительными модификациями принята всеми без исключения исследователями. Однако второй вопрос, поднятый в статье, — о сарматской гинеократии — до сих пор остается дискуссионным.

По мнению Б. Н. Гракова, данные письменных источников об особом положении сарматских (савроматских) женщин находят подтверждение в археологическом материале, и это позволяет говорить об их достоверности. Многие исследователи солидаризовались с его взглядами², у других они вызвали возражения³. При этом на саму дискуссию отрицательным образом влияли и влияют два момента. Во-первых, в ней недостаточно учитываются современные точки зрения на проблему материнского рода. В результате и сторонники, и противники существования сарматской гинеократии иногда основывают свои аргументы на устаревших положениях, никем из этнографов теперь не разделяемых. Во-вторых, имеет место заметная терминологи-

¹ Б. Н. Граков, Гинеократия у сарматов. (Пережитки матриархата у сарматов), ВДИ, 1947, № 3.

² С. П. Голстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 325—331; И. В. Синицын, Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.), МИА, № 60, 1959, стр. 198; В. Б. Виноградов, Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный, 1963, стр. 96; К. Ф. Смирнов, Савроматы, М., 1964.

³ В. П. Шилов, Калиновский курганный могильник, МИА, № 60, 1959, стр. 430—432; И. П. Берхин-Засецкая, Л. Я. Маловицкая, Богатое савроматское погребение в Астраханской области, СА, 1965, № 3, стр. 143, 153; А. П. Смирнов, К вопросу о матриархате у сарматов. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, М., 1966, стр. 84—85; он же, Скифы, М., 1966, стр. 85—88.

ческая неопределенность: одни и те же термины — матриархат, пережитки матриархата, материнский род, матрилинейность и другие — различными авторами употребляются далеко не однозначно. Поэтому прежде чем перейти к вопросу о положении женщин в сарматском обществе, представляется целесообразным напомнить некоторые общие положения о материнском роде, принятые сейчас историками первобытного общества.

Не касаясь вопроса о соотношении материнского и отцовского рода на ранних этапах первобытной истории, достаточно дискуссионного и не имеющего прямого отношения к теме, отмечу, что разложение первобытного общества далеко не обязательно означало распад материнского рода и возникновение на его месте патриархального.

Из этнографии и древней истории известно много обществ, в которых материнский род сохранялся на протяжении всей или большей части эпохи классового образования, а патриархальные черты получали преобладание лишь ко времени становления классового общества или даже еще позднее и принимали специфическую форму отцовско-правовых норм, связанных только с порядком наследования, юридическим положением женщины и т. д.⁴⁻⁵. Достаточно напомнить раннеклассовые общества ашанти, туарегов, минангбау, малайцев; наиров с их довольно развитой феодальной структурой и т. д. Вряд ли только «пережитками» можно объяснить и матрилинейный порядок наследования, сохранявшийся в знатных родах и семьях египтян, хеттов, ликийцев и этрусков.

Патриархальный род и позднематеринский род являются, таким образом, параллельно существующими формами распада первобытнообщинных отношений. Для позднематеринских обществ в основном характерны те же явления, что и для патриархальных: развитие частной собственности, экономическое обособление отдельных семей, зарождение эксплуатации. Различия второстепенны и проявляются больше всего в семейно-брачной сфере и наследовании имущества, но именно они определяют специфические черты позднематеринских обществ.

Таковыми специфическими чертами являются: матрилинейность счета родства, порядка наследования имущества и социального статуса, матрилокальность (авункулокальность) или дислокальность брачной резиденции при постепенно развивающейся патрилокальности, сохранение парного брака или его многочисленных пережитков, важная роль женского труда в хозяйстве (но не всегда), высокое (но отнюдь не доминирующее) положение женщины в обществе.

Решающая роль в обществе, вопреки распространенному мнению, принадлежит мужчинам. Именно они чаще всего возглавляют большие семьи, строящиеся по матрилинейному принципу, а тем более роды и общины. Женщины могут участвовать в выборах или влиять на их исход, но сохраняют скорее моральный авторитет, чем реальную власть. Однако положение женщин в позднематеринских обществах редко бывает принижено, и в немалой степени это связано с сохраняющейся матрилинейностью и ее последствиями.

Все перечисленные черты характерны для большинства позднематеринских обществ. Разумеется, в некоторых из них, наряду с общими чертами, могут наблюдаться те или иные отклонения и особенности.

Нет никаких сомнений в том, что сарматское общество даже на его раннем савроматском этапе уже вступило в эпоху развитого классового образования. Именно это не всегда учитывается исследователями, когда они пишут о положении сарматских женщин. И те, кто признает наличие «матриархата» у сарматов, и те, кто это отрицает, редко молчаливо исходят из традиционных представлений о положении и роли женщин

⁴⁻⁵ См. об этом Толстов, ук. соч., стр. 329 сл.; Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1965, № 5, стр. 80, 92; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. А. Алексеев. История первобытного общества, М., 1968, стр. 177—180; Н. А. Бутин, Первобытнообщинный строй. (Основные этапы и локальные варианты), в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968, стр. 138 сл.